

рактера переживания музыканта своей личностной целостности, глубины осознания смысла своего творчества на сцене.

Литература

1. Быстрицкий, Е. В. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие / Е. В. Быстрицкий. — Киев.: Наукова думка, 1991. — 196 с.
2. Вифляев, В. Е. Артистизм как творческо-исполнительский акт и его культура / В. Е. Вифляев // Мир психологии. — 2001. — № 1. — С. 204-213.
3. Ганзен, В. А. Системный подход в психологии: конспект лекций. — Л.: ЛГУ, 1983. — 151 с.
4. Журавлев, И. В. Феномен отчуждения: стратегии концептуализации и исследования / И. В. Журавлев, А. В. Тхостов // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23. — № 5. — С. 42 — 48.
5. Интегральная индивидуальность человека и ее развитие. — М.: ИП РАН, 1999. — 328 с.
6. Коджаспирова, Г. М. Педагогический словарь / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 176 с.
7. Овчинникова, Ю. Г. Диагностика кризиса идентичности / Ю. Г. Овчинникова // Вестник Московского университета. Сер. 14 Психология. — 2000. — № 2. — С. 84-87.
8. Петровский, В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 512 с.
9. Психология и современный спорт: Междунар. сб. науч. работ по психол. спорта / сост. А. В. Родионов, Н. А. Худадов. — М.: ФиС, 1982. — 224 с.
10. Психология спорта высших достижений: уч. пособие для ин-тов физкульт. / под ред. А. В. Родионова. — М.: Физкультура и спорт, 1979. — 144 с.
11. Пучков, В. Целое / В. Пучков // Человек. — 1999. — № 3. — С. 47-64.
12. Франк, С. Л. Душа человека / С. Л. Франк // Реальность и человек. — М.: Республика, 1997. — С. 3-206.
13. Щербаков, Е. П. Теория воли и оперативная оценка волевых качеств спортсмена: уч. пособие / Е. П. Щербаков. — Омск: ОГИФК, 1986. — 88 с.

УДК 159.922.1

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТИЛЯ ЖИЗНИ И ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО И СТАРОГО ВОЗРАСТА, НАХОДЯЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ПОСЕЩАЮЩИХ ОТДЕЛЕНИЯ ДНЕВНОГО ПРЕБЫВАНИЯ

С. С. Колесникова, В. П. Михайлова

В настоящее время одним из важнейших условий, характеризующих социально-психологическую ситуацию пожилых и старых людей, является понятие стиля жизни. Первоначально оно считалось социологической категорией, которая выражает качество удовлетворения материальными и культурными потребностями людей (качество питания, качество и модность одежды, здравоохранения и образования, экология, комфорт жилища и пр.). Однако в последнее время оно приобретало социально-психологический смысл, помогающий более точно оценить воздействие внешних параметров на состояние пожилого человека [6, 11].

При этом среди психологов вопрос о содержании и структуре понятия стиля жизни остается дискуссионным. Одни трактуют его как тождественное укладу, уровню, качеству или образу жизни, под которым понимают количество и качество потребностей людей, их взаимоотношения, эмоции и их субъективное выражение, другие противопоставляют стиль жизни и уровень жизни, чем напряженнее жизненный ритм, тем ниже качество жизни и наоборот. Третьи сводят стиль жизни к уровню стрессовых ситуаций или качеству окружающей среды [3, 5, 12, 14].

В психологии категория «стиль жизни» почти не встречается, однако это не мешает психологам так или иначе «работать» с ней, например, изучая

удовлетворенность жизнью, которая является одной из важных показателей её стиля [8].

По мнению ряда авторов, личностные особенности пожилого человека претерпевают известную трансформацию, особенно при изменении стиля жизни [2; 4].

Другая позиция по этому вопросу заключается в том, что при нормальном течении старости личность пожилого человека изменяется, но эти изменения не носят выраженный негативный характер [3]. Специфика изменений заключается в изменении их структуры. Поэтому особенно актуальным остается вопрос влияния стиля жизни на личностные особенности пожилых и старых людей.

Целью исследования было изучение взаимосвязи стиля жизни и личностных особенностей пожилых и старых людей, находившихся в условиях изоляции — в учреждениях или центрах социального обеспечения (ЦСО), и пожилых и старых, посещавших отделения дневного пребывания (ОДП), где, помимо организованного отдыха (экскурсии, концерты, встречи с интересными людьми), предусматривалась работа по «оздоровлению», увеличению активности, поощрению независимости и оживлению социальных контактов.

В процессе проведения исследования было обследовано 182 человека пожилого (от 60 до 74 лет) и старого (от 75 до 90 лет) возраста. Обследование проходило в отделении дневного пребывания

и в учреждениях социального обеспечения г. Белово. В ходе обследования использовались многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» и модифицированный тест «Self-attitudes test» (Kuhn, McPartland).

На основе показателя личностного адаптационного потенциала (ЛАП) методики МЛО «Адаптивность» было выделено две группы пожилых людей, посещавших ОДП. Первая группа – люди с хорошими адаптационными способностями, которые легко приспосабливались к новым условиям, быстро «входили» в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентировались в ситуации, быстро вырабатывали стратегии поведения и социализации. Вторая группа – люди с удовлетворительными и сниженными адаптационными способностями. Большинство людей этой группы обладали признаками различных акцентуаций и некоторыми признаками психопатий, которые в привычных условиях были частично компенсированы, но могли проявляться при смене деятельности. Поэтому успех адаптации во многом зависел от условий среды.

Интересным представлялось сравнить личностные особенности пожилых, находившихся в условиях ЦСО, людей с хорошими адаптационными способностями (ХАС) и людей с удовлетворительными и сниженными адаптационными способностями (УСАС), посещавших ОДП.

При сравнении пожилых людей, находившихся в ЦСО, и пожилых с хорошими адаптационными способностями, посещавших ОДП, наблюдаются различия.

Так, в группе пожилых, находившихся в ЦСО, наблюдаются достоверные различия по показателю индивидуалистичности ($Sc, p < 0,01$).

Люди старшего возраста имеют достоверные различия по показателям пессимистичности ($D, p < 0,05$) и эмоциональной лабильности ($Hu, p < 0,05$), индивидуалистичности ($Sc, p < 0,05$) и оптимистичности ($Ma, p < 0,01$).

В группе пожилых различия состоят в том, что люди, находившиеся в ЦСО, были более неудовлетворенными своим положением, чем посещавшие ОДП. У них отмечались внутреннее напряжение, ранимость, для них было характерно не проявлять интереса к судьбам других людей, не вникать в чужие переживания. Изоляция в результате нарушения социальных контактов и слабости семейных связей приводила к тому, что их отношения с людьми приобретали формальный характер.

Люди старшего возраста с хорошими адаптационными способностями, посещавшие ОДП, по сравнению с теми, кто находился в ЦСО, стремились произвести приятное впечатление и не говорить о своих проблемах. Для людей старше 75 лет, находившихся в ЦСО, были характерны осознание своих проблем, выраженная глубина переживаний, пессимистическая оценка своих перспектив, зависимость, неустойчивость самооценки. Этим людям очень трудно приспосабливаться из-за недостаточной гибкости. Кроме того, их неудовлетворенная потребность свободы выбора в принятии решения

усугублялась противодействием окружения. Это проявлялось в усилении признаков дезадаптации. При размеренном и однообразном течении жизни в ЦСО люди старшего возраста стремились к перемене места или вида деятельности, что невозможно в стенах данного учреждения, поэтому они переживали постоянное чувство неудовлетворенности.

Эти данные свидетельствуют о том, что у пожилых, находившихся в ЦСО, депрессивные явления часто сочетались с раздражительностью, тревожностью, ощущением повышенной утомляемости и апатии из-за недостаточного признания окружающими.

Люди старшего возраста с ХАС, посещавших ОДП, характеризовались некоторой степенью тревожности и потребностью в помощи, тогда как у людей, находившихся в ЦСО, резкое снижение социальных контактов приводило к нарастанию тревоги или состоянию подавленности. Кроме того, эти люди выражали особую обеспокоенность вопросами о месте своей личности в обществе и её значимости. Они старались формировать круг своих знакомых таким образом, чтобы их значимость признавалась.

Сравнительный анализ показателей личностного адаптационного потенциала пожилых с ХАС, посещавших ОДП, и пожилых, находившихся в ЦСО, показал, что в группе пожилого возраста достоверность различий была обнаружена по показателям поведенческой регуляции ($ПР, p < 0,01$) и личностного адаптационного потенциала ($ЛАП, p < 0,01$) (табл. 1).

Люди старшего возраста достоверно отличались по всем показателям: поведенческой регуляции ($ПР, p < 0,001$), коммуникативного потенциала ($НП, p < 0,05$), моральной нормативности ($МН, p < 0,001$), личностного адаптационного потенциала ($ЛАП, p < 0,001$).

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что люди пожилого возраста, посещавшие ОДП, обладали более высоким уровнем социализации. Они прекрасно понимали свою роль в обществе, не испытывая тех трудностей, с которыми напрямую столкнулись их ровесники, ставшие своеобразными заложниками определённых обстоятельств.

Кроме того, пожилые, находящиеся в ЦСО, по сравнению с людьми с ХАС, посещавшими ОДП, характеризовались более низким уровнем нервно-психической устойчивости, сниженной самооценкой.

Адаптационные способности людей старшего возраста с ХАС, посещавших ОДП, значительно выше, чем у людей, находящихся в ЦСО. Об этом свидетельствуют данные исследования. Пожилые, посещавшие ОДП, легче адаптировались к изменениям, они легко и адекватно ориентировались в разных ситуациях, быстро вырабатывали стратегии своего поведения и социализации, обладали высокой эмоциональной устойчивостью.

Таблица 1

**Сравнение показателей МЛО у пожилых людей, находившихся в ЦСО,
и пожилых с ХАС, посещавших ОДП**

Показатели МЛО	60 – 74 года	75 – 90 лет
ПР (поведенческая регуляция)		
пожилые с ХАС (из ОДП)	37,44 ± 1,24**	35,33 ± 1,44***
пожилые из ЦСО	45,71 ± 3,24	47,91 ± 2,31
КП (коммуникативный потенциал)		
пожилые с ХАС (из ОДП)	13,90 ± 0,55	13,06 ± 0,57*
пожилые из ЦСО	14,5 ± 1,09	15,73 ± 0,74
МН (моральная нормативность)		
пожилые с ХАС (из ОДП)	8,29 ± 0,37	7,04 ± 0,32***
пожилые из ЦСО	9,43 ± 0,43	10,00 ± 0,57
ЛАП (личностный адаптационный потенциал)		
пожилые с ХАС (из ОДП)	59,76 ± 1,66**	55,44 ± 1,85***
пожилые из ЦСО	69,64 ± 4,06	76,36 ± 3,93

Таким образом, в результате проведённого сравнения было обнаружено, что люди старого возраста с ХАС, посещавшие ОДП, существенно отличались от людей этого возраста, находившихся в ЦСО, по показателю оптимистичности. В отличие от людей с ХАС, испытуемые из ЦСО, как было отмечено выше, демонстрировали осознание своих проблем, выраженную глубину переживаний и пессимистическую оценку своих перспектив.

Принципиальные различия в группах испытуемых старого возраста были обнаружены по показателям личностного адаптационного потенциала: поведенческой регуляции (ПР, $p < 0,001$), моральной нормативности (МН, $p < 0,001$). Низкий уровень нервно-психической устойчивости, сниженная самооценка, невозможность реализовать свои желания и потребности при однообразном и предопределённом образе жизни в ЦСО приводили к тому, что у людей старого возраста, постоянно

переживающих чувство неудовлетворённости, адаптационные способности были значительно ниже, чем у людей этой же возрастной группы, посещавших ОДП.

Сравнение показателей испытуемых с УСАС, посещавших ОДП, и испытуемых, находившихся в ЦСО.

При сравнении показателей индивидуально-психологических особенностей (табл. 2) пожилых с УСАС, посещавших ОДП, и пожилых, находившихся в ЦСО, были обнаружены достоверные различия по показателям невротического сверхконтроля (Нс, $p < 0,05$), тревожности (Рт, $p < 0,01$) в группе пожилого возраста.

В группе людей старого возраста достоверные различия были выявлены по показателям тревожности (Рт, $p < 0,01$) и индивидуалистичности (Sc, $p < 0,01$).

Таблица 2

**Сравнение показателей индивидуально-психологических особенностей людей пожилого и старого
возраста, находившихся в ЦСО, и испытуемых с УСАС, посещавших ОДП**

Шкалы МЛО «Адаптивность»	60 – 74 года	75 – 90 лет
Нс (невротический сверхконтроль)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	68,75 ± 1,77*	68,00 ± 1,77
Пожилые из ЦСО	62,86 ± 2,03	65,55 ± 2,96
Рт (тревожность)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	69,20 ± 1,79**	67,55 ± 1,40**
Пожилые из ЦСО	77,43 ± 2,78	74,91 ± 1,16
Sc (индивидуалистичность)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	81,10 ± 1,71	81,62 ± 1,30**
Пожилые из ЦСО	77,43 ± 2,10	74,09 ± 1,95

Пожилые с УСАС стремились декларировать множество проблем, связанных с ухудшением здоровья. В их поведении часто наблюдались легко возникающие эмоциональные всплески с быстрой отходчивостью. Для пожилых, находившихся в ЦСО, в отличие от людей с УСАС, посещавших

ОДП, было характерно проявление тревожно-мнительных черт – таких, как чувство растерянности, беспокойства, повышенная мнительность, склонность к страхам и избыточной озабоченности существующими проблемами.

Сравнение испытуемых старого возраста показало, что члены обеих групп отличались неуверенностью, нерешительностью, повышенной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью, на малейшие неудачи реагировали повышенным чувством вины. Особенно заострены эти черты были у людей, находившихся в ЦСО.

Как для испытуемых старого возраста с УСАС, посещавших ОДП, так и для испытуемых, находящихся в ЦСО, были характерны затруднения в реальной оценке ситуации, сложности в адаптации, связанные с ощущениями своей отчужденности и непонятности и отсутствием терпимости у окружающих. В большей степени это было выражено у людей с УСАС, посещавших ОДП.

Если испытуемые с УСАС отличались беспокойством из-за своей изолированности и испытывали трудности в социальной адаптации, то испытуе-

мые, находившиеся в ЦСО, демонстрировали признаки хронической дезадаптации: заниженную самооценку, чувство собственного несовершенства, повышенное чувство вины, самоуничтожение и комплекс неполноценности.

Сравнительный анализ показателей МЛО испытуемых с УСАС, посещавших ОДП, и испытуемых, находившихся в ЦСО, выявил (табл. 3) достоверные различия в группе людей пожилого возраста по показателям поведенческой регуляции (ПР, $p < 0,001$), коммуникативного потенциала (КП, $p < 0,05$), личностного адаптационного потенциала ($p < 0,001$). Люди старого возраста достоверно отличались друг от друга по показателям поведенческой регуляции (ПР, $p < 0,001$), коммуникативного потенциала (КП, $p < 0,05$), личностного адаптационного потенциала ЛАП, $p < 0,01$).

Таблица 3

Сравнение показателей МЛО у испытуемых, находившихся в ЦСО, и испытуемых с УСАС, посещавших ОДП

Показатели МЛО	60 – 74 года	75 – 90 лет
ПР (поведенческая регуляция)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	57,30 ± 1,33***	58,97 ± 1,35***
Пожилые из ЦСО	45,71 ± 3,24	47,91 ± 2,31
КП (коммуникативный потенциал)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	17,4 ± 0,56*	18,90 ± 0,81*
Пожилые из ЦСО	14,5 ± 2,09	15,73 ± 0,74
ЛАП (личностный адаптационный потенциал)		
Пожилые с УСАС (ОДП)	85,00 ± 1,68***	86,79 ± 1,46**
Пожилые из ЦСО	69,64 ± 4,06	76,36 ± 3,93

В группе пожилого и старого возраста достоверные различия по всем показателям свидетельствовали о том, что испытуемые, находившиеся в ЦСО, обладали лучшими адаптационными способностями, по сравнению с испытуемыми с УСАС, посещавшими ОДП. Они характеризовались более высокой эмоциональной устойчивостью, быстрее вырабатывали стратегию своего поведения в новых ситуациях. Небольшое исключение составляли люди старого возраста из ЦСО, для которых успех приспособляемости во многом зависел от условий среды.

При анализе полученных результатов по методике Куна учитывались качество и содержательная сторона, позволяющая судить об «образе Я».

Высказывания были разделены на следующие группы качества (черты характера), род деятельности, социальные роли, идентификация с ролью старого (у находившихся в ЦСО), здоровье, отношение других к ним, интересы, рассуждения («о том, что имею»), действия, проблемы, описание внешности, норма, состояния, ценности, мечты и желания.

Наиболее важными для рассмотрения когнитивной составляющей «Я-концепции» являются высказывания о своих качествах, социальных ролях и интересах.

Наибольшее число высказываний как у находившихся в ЦСО, так и людей из контрольной в прошлом, настоящем и будущем касалось качеств характера.

Итак, группа находившихся в ЦСО и посещавших ОДП в целом при описании себя пишет о качествах характера больше. Причем больший процент определений и у группы находившихся в ЦСО и посещавших ОДП в прошлом снижается в настоящем и увеличивается в будущем.

В прошлом больший процент находившихся в ЦСО оценивают себя позитивно. Группа посещавших ОДП оценивают себя нейтрально. В настоящем, наоборот, половина находившихся в ЦСО описала себя негативно, а группа посещавших ОДП в основном оценила себя позитивно.

В будущем во всех группах получилось примерно одинаковое число позитивных высказываний о себе. Сравнение числа упоминаний социальных ролей в группах показало, что у обеих групп в методике «20 высказываний» встречается мало упоминаний о своей социальной роли в прошлом и особенно в настоящем (5,9 и 2,8 % соответственно). В будущем этот процент значительно увеличивается (10,5 %).

У контрольной группы, наоборот, больше всего высказываний о социальных ролях встречается

ся в прошлом (16 %) и поровну в настоящем и будущем (8,7 %). Сравнение числа названных интересов в методике «20 высказываний» у испытуемых выявило постоянный процент высказываний о своих интересах у группы посещающих ЦСО в прошлом, настоящем и будущем (6,25 %).

В группе посещавших ОДП этот процент сильно растет от прошлого к будущему и в будущем становится больше, чем в группе посещавших ОДП (2,96 % – прошлое, 4,23 % – настоящее, 11,28 % – будущее).

Подводя итог исследованию, хотелось бы отметить, что испытуемые старого возраста, находившиеся в ЦСО, по сравнению с испытуемыми с хорошими адаптационными способностями, посещавшими ОДП, характеризовались внутренней напряженностью, потребностью в общении и слабо выраженной способностью к быстрой социальной адаптации. Большинство достоверных различий по показателям личностных особенностей были обнаружены в группах старого возраста, что свидетельствует об усилении признаков дезадаптации испытуемых этой возрастной группы, находившихся в ЦСО.

Существенные различия личностных особенностей испытуемых с удовлетворительными и сниженными адаптационными способностями, посещавших ОДП, и испытуемых, находившихся в ЦСО, выявили эмоциональную неустойчивость людей пожилого возраста с УСАС, наличие тревожно-мнительных черт у людей пожилого и старого возраста, находившихся в ЦСО, и затруднения в реальной оценке ситуации у людей старого возраста с УСАС. У испытуемых пожилого и старого возраста с УСАС, по сравнению с испытуемыми этих же возрастных групп, находившимися в ЦСО, выявлен низкий уровень способности регулировать своё взаимодействие со средой.

Изучая личностные характеристики испытуемых, находившихся в разных условиях, в данном случае в центре социального обеспечения и отделении дневного пребывания, хотелось бы подчеркнуть, что люди с удовлетворительными и сниженными адаптационными способностями, посещавшие отделение дневного пребывания, где создаются и поддерживаются условия для полноценной жизни в старости, особо нуждаются в семье и понимании. Причём удовлетворить эти потребности испытуемые не имеют возможности из-за сниженного фона настроения и пессимистической оценки своего будущего.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в реабилитационных программах нуждаются не только люди, изолированные от общества в центрах социального обеспечения, но и люди с удовлетворительными и сниженными адаптационными

способностями, получающие поддержку в отделениях дневного пребывания.

Литература

1. Биксон, Т. К. Жизнь старого и одинокого человека / Т. К. Биксон, Л. Н. Пепло, К. С. Рук, Ж. Р. Гудчайлдс // Лабиринты Одиночества / под ред. Н. Е. Покровского. – М., 1989 – С. 512-551.
2. Болтенко, В. В. Изменение личности у престарелых, проживающих в домах-интернатах: автореф. дис. ... канд. психол. наук / В. В. Болтенко. – М., 1980.
3. Дементьева, Н. Ф. Организация медицинского обслуживания лиц пожилого возраста в домах-интернатах: метод. рекомендации / Н. Ф. Дементьева, И. А. Жук, Н. М. Доценко. – М., 1985.
4. Дементьева, Н. Ф. Жилищные условия пожилых и качество их жизни / Н. Ф. Дементьева // Психология зрелости и старения. – 1999. – № 4 (7-8). – С. 133-137.
5. Краснова, О. В. Социальная психология старения: учеб. пособие / О. В. Краснова, А. Г. Лидерс. – М., 2002.
6. Анцыферова, Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – М., 1999. – Т. 15. – № 3. – С. 99-105.
7. Максимова, С. Г. Социально-психологические аспекты дезадаптации лиц пожилого возраста и старческого возраста / С. Г. Максимова // Клиническая геронтология. – 2000. – № 5-6. – С. 58-63.
8. Максимова, С. Г. Социальные фрустрации лиц пожилого и старческого возраста в контексте социально-психологической дезадаптации / С. Г. Максимова, Б. Г. Луницин // Клиническая геронтология. – 2001. – № 7. – С. 38-45.
9. Марковина, С. Г. Особенности адаптации пожилых / С. Г. Марковина // Социологические исследования. – 1997. – № 12. – С. 48-56.
10. Петрова, Н. Н. Психосоциальная адаптация в кризисном периоде / Н. Н. Петрова // Журнал прикладной психологии. – 1999. – № 4. – С. 17-20.
11. Полищук, Ю. И. Старение личности / Ю. И. Полищук // Социальная и клиническая психиатрия. – 1994. – Т. 4. – Вып. 3. – С. 108-115.
12. Полищук, Ю. И. Разрушение высших личностных смыслов как важный фактор развития невротических расстройств в позднем возрасте / Ю. И. Полищук, И. В. Баранская // Клиническая геронтология. – 2001. – № 5. – С. 17-21.